

Шогенова Эмма Аслановна

магистрант

ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х.М. Бербекова»

г. Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика

ПОЭЗИЯ БЕТАЛА КУАШЕВА

***Аннотация:** статья посвящена творческому поиску и поэтическому новаторству кабардинского поэта Бетала Куашева, поэзия которого органично вписывается в общий литературный процесс 50-х годов XX века. Автор изучает жизнь и творчество поэта-новатора, чьи произведения отличаются нетрадиционностью образов и рифм. В статье определяется место и роль поэзии Бетала Куашева как переводчика, собирателя адыгского фольклора и исследователя, внесшего свой вклад в изучение адыгского стихосложения. Показывается нарушение традиционной силлабо-тонической ритмики стиха неожиданным инверсионным синтаксисом.*

***Ключевые слова:** остроумная эпиграмма, силлабо-тоническая ритмика, инверсионный синтаксис, стихосложение, философский склад ума.*

В историю кабардинской литературы Б. Куашев вошёл как поэт, без которого невозможно представить картину послевоенной национальной поэзии. Его стихи национальные по содержанию.

Куашев Бетал Ибрагимович родился в селении Старый Черек в 1920 году. Его отец был мелким торговцем. Семья по тем временам считалась состоятельной. Но с приходом белогвардейцев лавка была разорена. Однако за Б. Куашевым сохранилась репутация сына лавочника. «После окончания местной средней школы будущий поэт поступил на педрабфак, а после его завершения в 1936 г. – на филологический факультет КБПИ. В 1940 г. После окончания учебы Куашев уехал из республики в Приморский край, где работал учителем русского языка и литературы. В 1941 г. молодой поэт добровольно ушел на фронт и воевал до

конца войны» [5, с. 235]. Б. Куашев был несколько раз тяжело ранен. При освобождении г. Витебска водрузил над городом Красное знамя. Б. Куашев закончил войну в звании майора. За боевые заслуги был награжден орденами Красного знамени, Александра Невского, Отечественной войны II степени, Красной звезды и медалями. Б. Куашев был включен в администрацию г. Лейпцига инспектором народного образования. Он демобилизовался только в 1947 г. Тогда же поступил в аспирантуру при институте языка и мышления им. Марра АН СССР. После завершения учебы работал научным сотрудником в КБНИИ, затем ответственным секретарем альманаха «Къэбэрдей».

Поэзия Б. Куашева органично вписывается в общий литературный процесс 1945–1957-х годов XX века как одна из ярких его станиц. Он начал писать стихи в студенческие годы. Они посвящались поэтам и политическим деятелям. На его творчество оказали влияние русские поэты В. Маяковский и С. Есенин, из кабардинских поэтов – А. Шогенцуков, А. Кешоков. В годы войны сложился и окреп талант. Литературным дебютом стало стихотворение «Индыл» (1948).

Наиболее творчески активным было последнее десятилетие жизни поэта. Десять мирных лет – Б. *Куашев* был демобилизован только в 1947 году – это годы творческого поиска и поэтического *новаторства*, множество стихов, поэм, сказок, отличавшихся нетрадиционностью образов и рифм. А еще, как писал Заур Налоев, «он был в такой же степени талантлив, как и добр. *Бетал* мог неожиданно для всех и даже для себя сымпровизировать остроумную эпиграмму или яркое стихотворение и столь же неожиданно подарить тысячу рублей старушке, потерявшей на базаре заработанный ею червонец. И кто знает, за что больше любили его люди – за талант или доброту? А может быть, для *Бетала* это было одно и то же? Люди никогда не удивлялись ни его необычной доброте, ни его взрывному остроумию, ни его яркой талантливости, считая, очевидно, что *Бетал Куашев* и не должен быть другим [3, с. 253].

Развития национальной литературы связано с именем Б. Куашева. Исследуя его творчество, кабардинский критик Сокуров М. писал: «Вобрав в себя опыт двух прославленных мастеров слова – А. Шогенцукова и А. Кешокова, – Куашев

нарушает ставшую традиционной силлабо-тоническую ритмику стиха неожиданным инверсионным синтаксисом. Это расширило рамки художественной выразительности, дало выход новым формам кабардинского стихосложения, глубина и сложность которых закономерно возрастала» [4, с. 202]. Подобное новаторство многим воспринималось негативно. По сравнению с предшественниками поэзия Б. Куашева его современникам представлялась неприемлемой из-за нетрадиционности образов, рифм, перестановки акцента от изображения внешнего мира, объективных фактов на субъект – лирического героя. Но именно эти новации, по мнению З. Налоева, и определили «новую» лирику в кабардинской поэзии, которая началась стихами Куашева [3, с. 257].

При жизни вышли в свет две книги его стихов: «Си гъащӀэм и гуащӀӀэ» и «Салам». А после смерти – был издан двухтомник на кабардинском языке, куда вошло почти все, что было написано поэтом. Избранное из двухтомника вошло в сборник «Молодые журавли» (1971 г.).

Куашева Б. волнует тема собственного призвания: поэзия, которой он служит, отождествляется им с истиной. Эта стихия, которая способна вынести за границы собственного сознания в мир образов, куда открыт доступ лишь избранным поэтам. Настоящая поэзия, «книга сердца», по Б. Куашеву, совместима только с правдивым пером.

Б. Куашев опирался на общепринятые принципы воспевания труда. Данную тему он связывал с моральной составляющей человека: «Стыдись, если не совершил того, что в твоих силах...» [2, с. 37]. Та же особенность развивается в пределах личностного мироощущения. В одном из своих стихотворений «Чего я больше всего боюсь» Бетал Куашев писал: «Еще почти не сделав ничего, / Он умер... но мы им вполне довольны». / Года идут, и я порой невольно / Боюсь тайком лишь только одного: / Чтобы меня вот так бы никогда / Не помянул народ родного края, / Ведь это для меня как смерть вторая... / Прими, народ, мой труд. Я твой всегда» [2, с. 59]. Уходя в более глубокие слои, это переживание внедряется в контекст интимной лирики. Как считает И. Кажарова «его интимная лирика рождалась в сложном сплаве соцреалистической нормативности, адыгской

традиционности и поэтической искренности, иной раз граничащей с незащищенностью» [1, с. 86].

«Я» в поэзии Б. Куашева обнаруживает «императив долженствования» в себе самом. Он говорит о собственном предназначении (писательском долге), и глубина его восприятия прослеживается в необычном стихотворении *«Перо зевает на столе...»*, где оно довольно странно и неожиданно внедряется в контекст интимных переживаний, личной трагедии героя. Подавленность, которая сопровождает нарастающие размышления о женской измене, сопровождающей ее людской молве и осуждению, в определенный момент будто «переламывается» тем, что действительно имеет подлинную ценность: «Не в этом суть, всего важнее / Сердцем чиста чтобы ты ко мне была, / Делу чтоб без остатка себя отдавая / Мечты сокровенные чтобы мог я воплощать. // Стань в этом мне поддержкой, / Твои прошлые (дела) на кладбище смогу (тогда) снести, / (Даже) если «Четверо мужей» мне возражать станут / Ответ смогу им дать» [2, с. 65].

Тема добросовестного труда получает развитие в области личной морали, так называемой внутренней культуры человека. Труд, честность и духовная чистота тесно переплетены в лирике Б. Куашева. Такая связь активно развивается в контексте интимной лирики, при этом достойный конец мыслится им как реальность, не менее важная, чем честная, наполненная смыслом жизнь. «Для Куашева характерен взгляд не столько вокруг или устремленный за пределы, сколько внутрь себя» [1, с. 87].

Особенно заветной темой стала для Куашева родная река Черек. Символ реки для него – символ его жизни: дорога, возвращение, борьба, текучесть жизненных явлений, противоборства, быстротечность жизни.

Бетал Куашев успешно занимался переводами – перевел на кабардинский язык некоторые произведения Пушкина, Маяковского, Хетагурова и других авторов. Он принимал участие в сборе нартских сказаний, писал научные статьи по истории адыгского фольклора. Человек, безусловно талантливый, обладавший широким кругозором и философским складом ума, он, к сожалению, прожил очень недолгую жизнь.

Одним из исследователей, внесших свой вклад в изучения адыгского стихосложения, является кабардинский поэт Б. Куашев. В его статьях «Строение кабардинского стиха», «Стихосложение нартского эпоса» освещены многие вопросы кабардинского стихосложения, и без их учета невозможно вести исследования в данной области. Б. Куашева называют поэтом-новатором.

Бетал Куашев не успел реализовать многие свои творческие возможности, но многое сделал для кабардинской литературы и культуры в целом. Его не зря называют «рано погасшей звездой». Свой след – и очень яркий – он оставил.

Список литературы

1. Кажарова И.А. Противоречивость идеала в эстетической рефлексии 1940–50-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики (входит в перечень ВАК). – Тамбов: Грамота, 2012. – №12. – Ч. 2. – С. 84–88.
2. Куашев Б.И. Стихотворения и поэмы / Б.И. Куашев. – Нальчик: Эльбрус, 2011. – 128 с.
3. Налоев З.М. Корни и ветви / З.М. Налоев. – Нальчик: Эльбрус, 1991. – С. 247–276.
4. Сокуров М.М. Избранные / М.М. Сокуров. – Нальчик: Эльбрус, 1995.
5. Хакуашева М.А. Куашев Бетал Ибрагимович (Писатели Кабардино-Балкарии) / М.А. Хакуашева. – Нальчик: Эльбрус, 2003. – С. 235–238.